

О ЗЕВГМЕ, ЕЁ РАЗНОВИДНОСТЯХ И СМЕЖНЫХ ЯВЛЕНИЯХ

© 2010 г. В. П. Москвин

На основе контрастивного анализа зевгмы и ряда смежных с нею стилистических приёмов (таких, как гипозевксис, эллипсис и др.), сопоставления и систематизации наиболее значимых её типов по количественному, позиционному, уровневому, функциональному, грамматическому и иным параметрам, а также рассмотрения норм её употребления и стилистически релевантных нарушений таких норм уточнены содержание понятия зевгмы и её определение.

To clarify the aspects of the term ‘zeugma’ and to offer a more precise definition, the article puts forth a contrastive analysis of zeugma and a number of allied schemes (such as hypozeuxis, ellipsis etc.); it juxtaposes and systematically arranges the zeugma varieties, following the quantitative, positional, level, functional, grammatical and other parameters; and it examines the respective norms of usage and stylistically relevant deviations.

В далёком 1907 году исследователь этой непростой фигуры Вальтер Зиверс, обстоятельно изучив ряд её дефиниций, констатировал: “Не смотря на то, что свои мнения относительно зевгмы высказывали многие учёные, её определения далеки от совершенства” [1, с. 7]. Данная оценка не утратила своей актуальности. Современный автор, рассматривая трактовки зевгмы, сетует: “Путаница здесь продолжается на протяжении столетий” [2, с. 31].

Специфика зевгмы проясняется в сравнении с ближайшей к ней фигурой – гипозевксисом, который античные (например, грамматики IV в. Сервий Донат и Диомед), а вслед за ними и средневековые учёные, в том числе комментатор Сервия Доната Помпей (V в.), испанский филолог и богослов Св. Исидор Гиспалис (570–636), английский просветитель Св. Беда Достопочтенный (ок. 672–735) и др., считали “фигурою, зевгме противоположною” [3, с. 36; 4, с. 52; 5, с. 301]. Гипозевксис представляет собой лексико-синтаксический параллелизм, то есть повтор такой синтаксической конструкции, в которой одна часть слов постоянна, другая меняется, отсюда трактовка его как “повтора с замещением” [6, с. 177], “подстановки различных глаголов к одному выражению”: *Пред королём он предстаёт, пред королём он речь держит* [7, с. 211] и др.

Сопоставление этих двух приёмов приводит к следующим выводам:

1. Зевгма либо сокращает лексико-синтаксический параллелизм, ср.: *Пред королём он предстаёт, пред королём он речь держит* (гипозевксис) → *Пред королём он предстаёт, пред королём речь держит* (зевгма), либо полностью его устраняет: → *Пред королём он предстаёт и речь*

держит. Таким образом, данная фигура представляет собой “экономия параллелизма” [8, с. 177]. Судя по этимологии термина (греч. *υπόζευξις* ‘снятие зевгмы’, букв. ‘противоположное зевгме), его составителям гипозевксис представлялся как результат отказа от зевгмы, как её “распространение”. Ричард Ланхэм отмечает: “Если мы распространим зевгму, то получим параллельные конструкции, изоколон” [9, с. 68]. Этот факт не всегда учитывается: так, определяя зевгму как “конструкцию, в которой какое-либо слово является членом двух или нескольких параллельных высказываний” [10, с. 110] (курсив наш. – В.М.), мы тем самым переносим на неё структурные свойства гипозевксиса.

2. Гипозевксис, в отличие от зевгмы, обязательно предполагает лексический повтор. Ввиду того, что такой повтор является структурным свойством гипозевксиса, а не зевгмы, вряд ли можно принять составленное французским историком и энциклопедистом Теодором Башле определение зевгмы как “конструкции, в которой одно и то же слово подчиняет ряд членов предложения, перед каждым из которых оно должно повторяться с жёсткою регулярностью” [11, с. 1800–1801] (курсив наш. – В.М.).

Как видим, определения зевгмы бывают недостаточны для ограничения её от гипозевксиса, отсюда – случаи отождествления этих двух фигур. Так, в трактате римского историка и филолога Кассиодора (ок. 487–578) читаем: “Гипозевксис есть различных глаголов к одной синтагме приложение: *Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых и на пути грешных не ста, и на селалище губителей не седе*” [12, с. 592]. Приведён пример зевгмы, гипозевксисом же было бы сле-

дующее выражение: *Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых, блажен муж, иже на пути грешных не ста...* Аналогичные этой неточные трактовки находим и позже: “Гипозевксис присоединяет к одному субъекту ряд глаголов: *Благодать Христова очищает нас, украшает нас*” [13, с. 79] и др.

3. Гипозевксис строится на лексико-синтаксическом параллелизме, а значит, обязательно комбинирует: а) синтаксический параллелизм; б) лексический повтор. Вместе с тем, уже некоторые античные, а вслед за ними и средневековые учёные, видимо, упустив из внимания вторую из этих двух составных частей гипозевксиса, отождествили данную фигуру с синтаксическим параллелизмом. Так, Публий Рутилий Луп (I в. до н.э.), отметив, что “гипозевксис каждую мысль выражает отдельным предложением с собственным глаголом”, иллюстрирует данный приём такой фразой: “*Procumbunt piceae, sonat icta securibus illex*” ‘Падают сосны, звучат удары топоров красивые’ (Вергилий) [14, с. 229]. Лексического повтора здесь нет. Св. Беда Достопочтенный приводит подобный пример употребления этого же приёма: “*Caritas numquam excidit sive prophetiae evacuabuntur sive linguae cessabunt sive scientia destruetur*” ‘Любовь никогда не окончится, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится’ (Библия). Аналогичные трактовки встречаются и позже: “В гипозевксисе каждое субъектное слово свой предикат имеет” [15, с. 713]; “Гипозевксис – фигура, полностью противоположная зевгме, ибо он присоединяет разные глаголы к разным членам сложного предложения: *Правда слабеет, ложь укрепляется*” [16, с. 153] и др. В “Лексиконе” Йозефа Майера читаем: “Гипозевксис – фигура речи, посредством которой каждый член сложного предложения свой собственный особый глагол получает, например: *Деревья цветут, луга зеленеют, холмы красуются в весеннем убранстве*” [17, с. 858]. Однако в этом истолковании гипозевксис перестаёт быть противоположен зевгме и взаимозаменим с нею, ср.: *Деревья цветут, деревья зеленеют* ↔ *Деревья цветут и зеленеют*, но: *Деревья цветут, луга зеленеют* ↔ ? Поэтому предпочтительно понимание его не просто как синтаксического, а как лексико-синтаксического параллелизма.

4. Обе фигуры объединены отношениями взаимной обратимости: “Зевгма легко производится из гипозевксиса и наоборот” [18, с. 58]. Взаимобратимость гипозевксиса и зевгмы можно представить формулой “*ab + ac... ↔ a (b + c...)*”, где “*b*” и “*c*” – однородные члены, “*a*” – компонент, который в гипозевксисе повторяется, в зевгме же

сокращается до одной единицы, которая становится её общим, связующим звеном, “скобкообразующим элементом (*klammerbildende Element*)” [19, с. 349]. Анонимная греческая риторика определяет зевгму как “особое различия слов связывание” [20, с. 172], что соответствует этимологии термина (греч. *ζεύγμα* ‘связь, пути, шов, стык, мост’). В грамматике Уильяма Лили (ок. 1468–1522) читаем: “сокращённая часть подразумевается” [21, с. 176]. Таким образом, структура зевгмы определяется наличием: 1) ряда однородных членов; 2) связывающего их общего звена, которое, по выражению голландского филолога Иоганна Деспутера (ок. 1460–1520), “к одному из них относится эксплицитно, к остальным – имплицитно, например: *Carus est panis et vinum* ‘Дороги хлеб и вино’”, что, по мнению учёного, обеспечивает “синтаксическую достаточность выражения” [22, с. 21].

Рассмотрим виды зевгмы. По числу объединяемых ею компонентов зевгма может быть: а) двойной (*Летят журавли и гуси*); б) тройной (*Летят журавли, гуси и лебеди*) и т.д. С учётом этого факта нецелесообразно сводить определение данной фигуры лишь к первому количественному типу, трактуя её как “приём сокращения, который объединяет два подлежащих или дополнения с одним глаголом” [23, с. 97] (курсив наш. – В.М.) или как “форму брахилогии, посредством которой один глагол или одно прилагательное связывают два сочинённых субстантива [24, с. 683] (курсив наш. – В.М.):

ne tenues **pluviae** rapidive **potentia** solis
acrior aut Boreae penetrabile **frigus** adurat

Перевод: ‘дабы ни **дождь** моросящий, ни солнца свирепая **сила** | <нивы твои> не *сгубили*, ни **холод** разящий Борея’ (Вергилий. Георгики). Пример, приведённый Гербертом Смитом, вступает в явный конфликт с определением. Такое осмысление зевгмы связано с абсолютизацией этимологических связей термина, ср. греч. *ζεύγω* ‘соединяю в пары’, *ζεύγος* ‘пара (волов, лошадей)’.

Ещё античные учёные, в частности Марк Фабий Квинтилиан (I в. н.э.), отмечали, что в зевгме “относящееся ко всем членам слово стоит либо впереди, либо в середине, связывая предыдущие члены с последующими, либо замыкает несколько членов” [25, с. 200–201]. По месту общего компонента греческие и латинские риторики различали такие позиционные типы этой фигуры, как протозевгма (лат. *zeugma a superiori*, *zeugma in principio*), мезозевгма (*zeugma a medio*) и гипозевгма (*zeugma ab inferiori*, *zeugma in fine*).

В протозевгме (греч. *πρῶτος* ‘первый’) общий компонент предваряет перечисление: *Путь можно всем, Необходимо только Знать, где и с кем, За что, когда и сколько* (Р. Гамзатов); в мезозевгме (греч. *μέσος* ‘срединный’) он находится в середине: *Эбал мечом, Ликон бьёт копьём, а Педасим стрелю – Здесь относится “бьёт” и к первым словам, и к последним* (анонимная поэма IV–V вв. “Стихи о фигурах красноречия”, перев. М.Л. Гаспарова); ядерный компонент гипозевгмы (греч. *ὑπο* ‘снизу’) включает перечисление: *Тоскуя о родном тепле, Цепочкою вдали Летят, а что тут на земле, – Не знают журавли* (А. Твардовский). Некоторые определения зевгмы ограничивают её одним или двумя позиционными типами. Так, дефиниция, которую предлагает испанский богослов и филолог Луис де Граната (1504–1588), исключает возможность мезозевгмы: “В зевгме несколько фраз относится к одному глаголу, поставленному *либо в начале, либо в конце*” [26, с. 337]. Определение, предложенное А.П. Квятковским, отождествляет зевгму с протозевгмой: “ЗЕВГМА ... – стилистический приём, построение длинного речевого периода таким образом, что в предложении с однородными придаточными членами сказуемое в глагольной форме поставлено *в начале* периода, а в дальнейшем оно подразумевается” [27, с. 114].

Следующие три разновидности зевгмы можно выявить, учитывая характер общего её компонента. В его роли могут выступить три языковых единицы:

1. Слово. Словесная зевгма не привязана к какой-либо одной части речи или члену предложения; в роли общего её компонента могут выступить:

1) Подлежащее, объединяющее ряд глагольных сказуемых: *С потолка он строит дом, Носит воду решетом* (С. Маршак). Этот грамматический тип зевгмы греческие риторика именовали диазевгмой (греч. *διαζεύγμενον* ‘разделение’). Определение зевгмы как “фигуры, в которой одно подлежащее относится к ряду сказуемых” [28, с. 417], отождествляет её с диазевгмой, а потому принято быть не может.

2) Глагольное сказуемое, объединяющее ряд членов предложения: а) несколько подлежащих: *Султан Селим, Вольтер и Фридерик Второй Смирненно в рамках висели над софой* (В.Л. Пушкин); б) ряд второстепенных членов: *Я парил над богом и над людьми* (Ю. Левитанский). Старинные риторика называли этот грамматический тип зевгмы антизевгмой (греч. *αντιζεύγμενον* ‘противоположный <диа>зевгме’). Трактовки зевгмы

как “фигуры, в которой одно сказуемое относится к ряду подлежащих” [29, с. 297], “фигуры объединения двух или более предложений одним глаголом” [30, с. 995], “присоединения одного предиката к ряду колонов” [19, с. 371], “грамматической фигуры, в коей один и тот же глагол имеет при себе различные дополнения” [31, с. 207], как “использования одного глагола с рядом распространителей” [32, с. 777] и др. отождествляют её с антизевгмой, а значит не вполне точны.

3) Прилагательное, объединяющее ряд существительных: *Равны мне писари, уланы, Равны законы, кивера...* (А.С. Пушкин). С учётом этого типа зевгма определяется как “соотнесение глагола с несколькими существительными или прилагательного с несколькими субстантивами” [33, б/у с.], “соотнесение глагола или прилагательного с разными существительными” [34, с. 326] etc.

В научной литературе разных лет и эпох находим немало различных вариаций и комбинаций подобных определений, ограничивающих зевгму одним, реже двумя или тремя грамматическими типами. Приведём дефиницию, составленную оксфордским профессором Томасом Линакром (ок. 1460–1524): “Иногда два или более речения (*sententiae*) объединяются только одним глаголом, прилагательным или причастием, которые в этих речениях подразумеваются (*subauditur*) и лишь в одном ставятся. Эта фигура называется зевгмой” [35, с. 71]. О.С. Ахманова ограничивает общий компонент зевгмы статусом “главного члена” в сложном предложении:

“ЗЕВГМА, *англ.* *zeugma*. Ряд гипотактических (сочинённых) предложений, организованных вокруг одного общего для всех главного члена (реализуемого только в одном из них, а в остальных подразумеваемого); ср. гипозевгма, мезозевгма, протозевгма. ■ *Русск.* Один в з я л книгу, другой – тетрадь, третий – ручку” [36, с. 158].

Если принять точку зрения учёных, полагающих, что “зевгма может быть построена и на других частях речи, кроме глагола” [37, с. 271], что она “не ограничена связями прилагательного с существительным или глагола с подлежащим” [38, с. 115], то приведённые выше трактовки зевгмы следует признать узкими, а более точной – дефиницию, принадлежащую греческому филологу Зонею: “Зевгма есть связывание ряда синтагм одним словом” [39, с. 686].

2. Морфема или комплекс морфем: *Напишете мне нечто о Карамзине, ой, ых* (А.С. Пушкин. Письмо Л.С. Пушкину, 20 дек. 1824); *авто- и велогонки*.

3. Графический знак, что наблюдаем, к примеру, на следующем плакате, посвящённом встрече президентов России и США (май 2002):

П
У
Т
И
BUSH

Итак, зевгма может: а) апеллировать не только к слуху, но и к зрению; б) представлять собой не только лексико-синтаксическую или морфемную, но и графическую конфигурацию. Учитывая этот факт, трудно признать вполне точными две традиционных её трактовки: а) как фигуры “сугубо слуховой (auricular), ибо далее слуха она не простирается” [6, с. 174]; б) как фигуры сугубо синтаксической. Определим зевгму как приём объединения ряда языковых единиц общим компонентом. Данное определение не привязывает её ни к одной из характерных для неё функций, ни к одному уровню языка, ни к одной из его форм, что позволяет говорить не только о зевгме словесной, но также о зевгме морфемной и зевгме графической (на последней основаны кроссворд, акротекст, мезотекст и телетекст). Наиболее сложным объектом является словесная зевгма; рассмотрим данную фигуру подробнее.

Производство и употребление словесной зевгмы регулируются двумя правилами, которые были сформулированы ещё античной грамматикой:

Правило 1. Общий компонент зевгмы “должен иметь только один смысл”, – полагает константинопольский грамматик Флавий Харисий [40, с. 280]. Его современник Юлий Руфиний (IV в.) учит: “Зевгма есть одним общим глаголом нескольких речений соединение, ко всем в одном значении относящимся, например: *Эней город и товарищей и легионы оставил*” [41, с. 48]. Зевгму, подчиняющуюся указанному правилу, именуют, вслед за Г. Лаусбергом, семантически простой, нарушающую его – семантически сложной [19, с. 349]; французская традиция именует последнюю семантической зевгмой (zeugme sémantique). Анализ специальной литературы (см., например [42 и 43, с. 364–367]), убеждает в том, что для успешного разведения этих двух типов зевгмы необходима разработка системы чётких критериев. Каковы особенности семантически сложной зевгмы в сравнении с семантически простой?

В основе семантически сложной зевгмы могут лежать: а) омонимия: *О, сицилийский рай! Апельсины, грейпфруты, гранаты, автоматы, пистолеты* (М. Мишин); б) многозначность, в частности метафорически обусловленная: *И барашки в*

пятнашки не играли в волнах, А резвились на воле, так ажурны и тонки, Как рождённые в море (И. Северянин). Микроконтекст в волнах поддерживает переносное значение ‘гребни волн’, противопоставление *а резвились на воле* является опорным для прямого значения ‘животные’; игра животных сравнивается с движением волн. Семантически сложную зевгму нецелесообразно ограничивать одним номинативным типом, определяя её, к примеру, как “троп” или случай, когда “слово одновременно используется в двух разных смыслах: прямом и метафорическом” [44, с. 208].

Общий компонент семантически сложной зевгмы объединяет несовместимо разнородные по смыслу контексты, отсюда сопровождающий эту фигуру эффект обманутого ожидания, отсутствующий в семантически простой зевгме, что делает её в этом плане гораздо менее заметной. Данный критерий оказывается релевантен даже для “слабого типа” семантически сложной зевгмы, в ядерном слове которой “не реализуются одновременно разные словарно зафиксированные значения, а только едва уловимые семантические нюансы” [45, с. 78], ср.: *Доктор с озабоченным лицом, подающий надежду на кризис; часто имеет палку с набалдашником и лысину* (А.П. Чехов).

Функциональной разновидностью семантически сложной является каламбурная зевгма: *Впоследствии, кроме гражданской скорби, он стал впадать и в шампанское* (Ф.М. Достоевский). Такая зевгма, по мнению средневекового испанского грамматиста Франциска Санктиуса, “не лишена элегантности: *tu colis barbam, ille patrem* ‘ты режешь бороду, он – отца’” [46, с. 336].

Британский филолог Джордж Путтенхэм (1520–1590) сравнивает семантически простую зевгму, связывающую однородные понятия, с “человеком, который служит нескольким хозяевам, принадлежащим одному родовому клану или стране”, семантически сложную, объединяющую разнородные понятия, – “с человеком, который служит одновременно нескольким хозяевам, принадлежащим разным родовым кланам или странам” [6, с. 175, 176]. Семантически простую зевгму следует считать видом эллипсиса; семантически осложнённую, в частности каламбурную – фигурой нарочитого алогизма; в этом плане её можно поставить в один ряд с оксюморонам.

Результатом применения простой зевгмы является уменьшение количества знаков, поэтому главной и генетически изначальной её функцией является сокращение речи, на что указывали ещё античные учёные. Так, Анаксимен из Ламп-

сака (IV в. до н.э.) отмечает, что “кратко говорить желающий (βραχυλογεῖν δὲ βουλόμενον) должен сопрягать слова... фигурой, которая зевгмою именуется” [47, с. 48, 189]. Учитывая данное обстоятельство, многие специалисты нового времени, в том числе и такой авторитетный учёный, как Генрих Лаусберг (1912–1992), трактуют зевгму как приём “изящного сокращения” [19, с. 347]; ряд учёных, в частности Клод Лансло (1615–1695), один из авторов знаменитой “Всеобщей и рациональной грамматики Пор-Рояля”, определяет зевгму как “вид эллипсиса” [48, с. 373]. Однако поскольку у зевгмы есть и иные функции (игровая, декоративная и др.), отождествлять её с эллипсисом, тем самым абсолютизируя одну из ряда присущих ей функций, не следует. Э.М. Береговская не без основания полагает, что игровая зевгма генетически восходит к зевгме как приёму речевой экономии [49, с. 66]. Как известно, первоначально использование фигур в языке исчерпывалось чисто практическими, утилитарными целями, и лишь с течением времени приёмы номинации приобретают другие, в том числе эстетически значимые функции. Зевгма как пример постепенного функционального усложнения фигуры является в этом плане особенно показательной.

Правило 2. Компоненты словесной зевгмы должны быть грамматически согласованы, отсюда старинное её определение как “согласованного объединения нескольких существительных глаголом или прилагательным” [50, с. 1951–1952] (курсив наш. – В.М.), т.е. такого объединения, которое происходит “без изменения рода, числа, падежа, лица и времени” (51, с. 438). При нарушении данного правила возникает “грамматически осложнённая зевгма” (Г. Лаусберг), *zeugma gestionis*, или анаколупф (греч. ἀνακολουθία ‘непоследовательность’) – зевгма, общий компонент которой связывает грамматически несовместимые единицы. Латинские грамматики называют три параметра такой несовместимости (“модусы зевгмы”): 1) лицо: *Ego & tu studes*, букв. ‘Я и ты занимаешься’; 2) род: *Maritus & uxor est irata* ‘Супруг и супруга разгневана’; 3) число: *Hic illius arma, hic currus fuit* (Вергилий) ‘Это его доспехи, это его экипаж был’ [22, с. 176]. Греческие учёные, в частности византийский филолог Мануэль Мосхопулюс (XIII–XIV вв.), рассматривая зевгму, указывают на эти же три несоответствия “в лице, роде и числе” [52, с. 71]. Подобные аномалии наблюдаются также в сферах: 1) подчинения, в частности глагольного управления: *Ленин на крест плевал, топтал, Бухарин, Троцкий высьмеивали* (А.И. Солженицын); 2) сочинения, в

результате чего грамматически несовместимые члены предложения объединяются как однородные, ср. в стилизации малограмотной речи: *Ваше Высокоблагородие! Будучи преследуем в жизни многочисленными врагами и пострадал за правду...* (А.П. Чехов) и др. Анаколупф согласует слова не грамматически, а по смыслу, отсюда старинное его наименование *constructio ad sensum* (лат. ‘согласование по смыслу’). Французская традиция именуется зевгму, осложнённую “изменением в роде, в падеже, в числе, в лице” [53, с. 660], сложной зевгмой (*zeugme composé*). Данный термин неудобен, поскольку не даёт возможности развести зевгму, осложнённую грамматически, и зевгму, осложнённую семантически.

Зевгму, подчиняющуюся рассмотренным двум правилам, Г. Лаусберг [19, с. 347 и 348], а вслед за ним В. Гроддек, Г. Плетт, К.-Х. Поллок, Г.И. Штефани и другие немецкие языковеды называют простой (“*komplikationsloses Zeugma*”), нарушающую их – осложнённой (“*kompliziertes Zeugma*”). Простая зевгма, по определению Генриха Плетта, “объединяет ряд семантически и синтаксически однородных компонентов” [54, с. 73]. В античной терминосистеме зевгма, осложнённая либо семантическим, либо грамматическим несогласованием (т.е. нарушающая либо первое, либо второе правило её использования), именуется силлепсисом (греч. σὺλληψις ‘захват, объединение’). В трактате Сервия Доната “Об искусстве грамматики” читаем: “Силлепсис есть несогласование распространителей, одним глаголом в сочетании объединённых” [55, с. 397]. Силлепсис первого типа иногда называют семантическим, второго – грамматическим [56, с. 439–441]. Пример комбинации этих двух типов, существующих в речи на правах “зевгматической вольности” (лат. *zeugmatis licencia*): “Шёл [ср. или] дождь и два студента”.

Специалисты нередко сетуют на то, что “одни и те же либо сходные дефиниции часто используются и применительно к зевгме, и применительно к силлепсису, термины *зевгма* и *силлепсис* используются как взаимозаменяемые” [57, с. 9]. Определение зевгмы как “вида эллипсиса, в котором лексическая единица подразумевается в ряде синтагм в пределах предложения, и в котором данная лексическая единица в каждом случае имеет различные семантические и грамматические статусы” [58, с. 288], отождествляет её с силлепсисом; как “объединения двух имён существительных или инфинитивов с глаголом, который совместим <по смыслу> лишь с одним из них, например: *Pacet an bellum gerens*” [59, с. 299], букв. ‘Мир или войну ведущий’ (Саллю-

стей) – с семантическим силлепсисом; как случая, “когда прилагательное или глагол связаны с разными именами существительными, но согласуются <грамматически> лишь с ближайшим, например: *Quamvis ille niger, quamvis tu candidus esses*” [60, с. 165] ‘Он чёрным, ты же белым остаёшься’ – с грамматическим силлепсисом (анаколуфом). Учёные, отождествляющие зевгму с грамматическим силлепсисом, трактуют её как “термин, используемый для обозначения плохого стиля”, как ошибку, “продукт спонтанной речи” [61, с. 264].

Трактовки силлепсиса также не всегда бывают точны. Так, классик французской лингвистики Цезарь Дюмарсе (1676–1756) определяет эту фигуру как “вид метафоры или сравнения, посредством которых одно и то же слово используется в двух смыслах в одной и той же фразе, один раз в прямом, второй – в переносном” [62, с. 133]. Из этой дефиниции неясно, чем силлепсис отличается от антанаклазы – повтора слова в разных значениях. В результате Пьер Фонтанье (1765–1844), испытавший серьёзное влияние Ц. Дюмарсе, предлагает столь же неточную дефиницию силлепсиса (“Смешанный троп, именуемый силлепсисом, состоит в использовании одного слова в двух разных смыслах”), а в качестве примера приводит выражение, построенное на антанаклазе: *Rome n'est plus dans Rome, elle est toute où je suis* ‘Не в Риме Рим сейчас, а только здесь, где я’ (П. Корнель) [63, с. 105].

Квинтилиан, характеризуя простую зевгму, оценивает ее двояко: 1) “конструкции, на ней построенные, столь распространены, что едва ли заслуживают статуса фигур”; 2) фигурой следует считать лишь тот случай, “когда объединены две разных формы” [25, с. 201], т.е. анаколуп. С этими оценками согласуются две традиции *ad auctoritatem*:

1. Рассмотрение анаколупа как приёма [64, с. 32; 65, с. 24 и др.]. Однако поскольку анаколуп не столько нарочит, сколько случаен, понимание его как фигуры не представляется точным. Здесь, видимо, стоит прислушаться к мнению тех учёных, которые трактуют анаколуп как “ломку синтаксической структуры” [66, с. 130], “внезапное изменение синтаксического планирования посредии произносимой фразы, вызывающее впечатлительное аграмматизма” [67, с. 77–78]. Бернар Дюприе рассматривает грамматический силлепсис (анаколуп) как “солецизм” и полагает, что он “не является фигурой” [56, с. 440]; Уильям Лили допускает его лишь как “вольность, поэтам иногда позволенную” [21, с. 176].

2. Признание статуса фигуры лишь за семантически сложной, в частности каламбурной зевгмой, и игнорирование либо недооценка семантически простой. Отсюда активная эксплуатация узкого и одностороннего определения зевгмы как “фигуры речи, в которой слово связано с двумя другими в разных значениях: *Она разглядывала предмет с подозрением и увеличительным стеклом*” [68, с. 991]; как приём, “соединяющего выражение в прямом смысле с фигуральным выражением, конкретное выражение – с абстрактным” [69, с. 525] и т.д. В солидном словаре читаем:

“Зевгма – особый вид каламбура, основанный на глаголе, который употреблён с двумя или более дополнениями, но с различием в значениях. Вот как романист Лоренс Даррелл описывает затруднительное положение девушки, спасающейся от разгорячённых служителей культа: *Жанна, преследуемая тремя монахами, бежала по комнате, прыгая через столы и стулья, время от времени швыряя тарелки и библейские цитаты в своих преследователей*. А вот шутовское определение пианино: *Пианино, ср. Прибор для гостиной, используемый для урезонивания неисправимых визитёров. Работает путём подавления клавишей машины и духа аудитории* (Амброз Бирс). Зевгма, подобно всем другим каламбурам, является фигурой комической речи. Она остроумна и занимательна, она осложняет смысл, соединяя несовместимое: так, Даррелл, объединяя тарелки и библейские изречения, показывает их одинаковую неэффективность в положении Жанны” [70, с. 231].

Этот же подход находим в ряде иных исследований [49, с. 62; 71, с. 76–78 и др.]. Ср.: “Вследствие нарушения семантической конгруэнтности лексических единиц, являющихся компонентами перечислительного ряда, в зевгме происходит установление оценочного отношения: *Im allgemeinen werden die Bewohner Göttingens eingeteilt in Studenten, Professoren, Philister und Vieh*” ‘В общем, жители Гёттингена подразделялись на студентов, профессоров, обывателей и скотов’ [72, с. 4]; «Итак, как фигура зевгма обладает определёнными признаками: наличие ядерного слова, к которому прикрепляются однородные члены предложения, с точки зрения семантики эти однородные члены разноплановы, их можно противопоставить по типам: “конкретное – абстрактное”, “одушевлённое – неодушевленное”, “образное – необразное”: “Она принесла с собой морозное дыхание января и французский журнал мод” (И. Ильф, Е. Петров)» [73, с. 137–138; ср. 74, с. 8]. Анализируя диссертацию Ганса Инго Штефани, посвящённую сопоставитель-

ному изучению семантически сложной зевгмы в текстах П. Корнеля и Ж. Расина [42], Э.М. Береговская отмечает: «Г.И. Штефани получил астрономическую – поскольку речь идёт о редком приёме – цифру: у Корнеля и Расина обнаружилось 869 зевгм. Наряду с бесспорными случаями (например, у Корнеля: *Il nous le faut surprendre au milieu du festin, Enivre des douceurs de l'amour et du vin* или: *Te mettre ta vengeance et mon sceptre a la main*), в зевгмы зачислено много сомнительных и целый ряд бесспорных “незевгм” (например: *J'ose reprendre un coeur pour aimer ou haïr или Je ne sais ni comment ni quand ils l'ont tué*). И это обстоятельство сильно компрометирует результаты исследования: полученные путем точной обработки неточно отобранного материала, они не внушают доверия» [45, с. 61].

Как видим, простые зевгмы (*Je ne sais ni comment ni quand ils l'ont tué* ‘Я не знаю ни как, ни когда они его умертвили’ и др.), которые немецкий исследователь ввиду несовершенства используемой им методики не смог отделить от семантически сложных, Э.М. Береговская рассматривает как “незевгмы”.

С другой стороны, такие учёные, как Сервий Донат, Св. Исидор Гиспалис, Св. Беда Достопочтенный, британские филологи Томас Линакр, Энджел Дэй, Ричард Шерри, Натан Бейли и др., а также авторы многочисленных греческих и латинских грамматик XVI–XIX вв. (Клод Лансло, Уильям Лили, Джон Грант etc.), видимо, следуя первому из указанных выше правил, игнорируют семантически сложную и признают лишь семантически простую зевгму. В одной из таких грамматик читаем: “Приёмом эллиптического изъятия (*βραχυλογία ἀνάυηται*) является синтаксическая фигура, именуемая зевгмой” [75, с. 876]. Э. Дэй приводит такой её пример: “Его распушенность победила стыд, его наглость – страх” [76, с. 82]. Известный немецкий филолог и историк Карл Виктор Мюлленгоф (1818–1884) именуется зевгму, “в которой общее понятие... к обоим словам подходит (*gerasst*)”, “настоящей зевгмой (*ein wirkliches Zeugma*)” [77, с. 109]. Этой позиции придерживаются и некоторые учёные XX в. (как правило, филологи-классики), ратующие за исторически изначальное, узкое понимание термина зевгма и полагающие, что все иные его использования “ошибочны” [78, с. 285–290], что зевгма “принадлежит скорее грамматике, чем риторике” [79, с. 88]. Ориентиром для этой точки зрения служит, в частности, концепция такого авторитетного учёного, как Гергард Иоганн Фосс (1577–1649), который рассматривает зевгму как сугубо грамматический феномен, а потому в своём трактате размещает её в разделе “De

constructione”. Общий компонент зевгмы, по определению Г.И. Фосса, с остальными её членами “хорошо согласуется (*convenit cū proprio*)”; при отсутствии грамматического согласования (в роде, числе) возникает силлепсис [80, с. 9].

С тем, чтобы избежать двух указанных нами крайностей, следует, видимо, считать более устойчивой позицию тех учёных (Генрих Лаусберг, Ричард Ланхэм, Артур Куинн, Джордж Путтенхэм, Франциск Санктиус и др.), которые признают и семантически простую, и семантически сложную зевгму.

* * *

Подведём некоторые итоги. Противоположной зевгме фигурой является гипозевксис; это означает, что генетически изначальная функция зевгмы связана с сокращением либо устранением лексико-синтаксического параллелизма.

Разновидности зевгмы могут быть упорядочены по следующим параметрам: количественному (двойная, тройная и др.), позиционному (протозевгма, мезозевгма и гипозевгма), уровневому (морфемная и словесная зевгма), а также по форме речи (графическая зевгма, лежащая в основе акротекста, мезотекста и телетекста). По частеречной принадлежности общего компонента словесной зевгмы выделяются такие её грамматические типы, как диазевгма и антизевгма. Словесная зевгма подчиняется правилам грамматического и семантического согласования. При соблюдении этих двух правил античной грамматики возникает простая зевгма, при нарушении – осложнённая зевгма (силлепсис). Простая зевгма представляет собой вид эллипсиса и является фигурой брахилогии (краткоречия), грамматически осложнённую зевгму (анаколуф) целесообразно рассматривать как грамматический недочёт (солецизм), семантически осложнённая, в частности каламбурная зевгма, наряду с оксюмороном принадлежит к числу фигур нарочитого алогизма.

Соединить все эти, казалось бы, несовместимые разновидности анализируемой фигуры в рамках одного понятия способно определение зевгмы как приёма объединения ряда языковых единиц общим компонентом. Различного рода ограничения по количественному параметру, по уровневой и частеречной принадлежности, по форме речи, а также по отношению к нормам грамматического и семантического согласования дают практически необозримое число узких пониманий и истолкований зевгмы; смешение либо отождествление с гипозевксисом приводит к возникновению широких её трактовок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Sievers W.* De Zeugmatis Quod Dicitur Usu Horatiano. Ienae, 1907.
2. *Quinn A.* Figures of speech: 60 ways to turn a phrase. Routledge, 1993.
3. *Bede Libri II De arte metrica et De schematibus et tropis.* Saarbrücken, 1991.
4. *Isidori Hispalensis Episcopi Etymologiarum libri XX // Corpus Grammaticorum Latinorum Veterum / Ed. F. Lindemann. Vol. 3. Lipsiae, 1833.*
5. *Pompeii commentum artis Donati // Grammatici latini / Ed. H. Keil. Vol. V. Lipsiae, 1868.*
6. *Puttenham G.* The Arte of English Poesie. 1589. London, 1869.
7. *Diomedis grammatici opus.* Lipsiae, 1542.
8. *Wimsatt W.K.* The verbal icon: studies in the meaning of poetry. Univ. Press of Kentucky, 1954.
9. *Lanham R.A.* Analyzing prose. London & New York, 2003.
10. *Марузо Ж.* Словарь лингвистических терминов. М., 2004.
11. *Bachelet Th.* Dictionnaire général des lettres, des beaux-arts et des sciences morales et politiques avec la collaboration de Ch. Dezobry. Vol. 2. Paris, 1862.
12. *Magni Aurelii Cassiodorii Senatoris opera omnia In duos tomos distributa.* Venetiis, 1729.
13. *Poster C., Mitchell L.C.* Letter-writing manuals and instruction from antiquity to the present: historical and bibliographic studies. Univ. of South Carolina Press, 2007.
14. *Publii Rutilii Lupi de figuris sententiarum et elocutionis libri duo.* Lugduni Batavorum, 1768.
15. *Ramshorn L.* Lateinische Grammatik. Leipzig, 1824.
16. *Gatien-Arnoult A.F.* Monumens de la littérature romane. Paya, 1843.
17. *Meyers Konversations-Lexikon. Eine Encyclopädie des allgemeinen Wissens. Aufl. 4. Bd. VIII.* Leipzig, 1889.
18. *Purcell W.M.* Ars poetriae. Univ. of South Carolina Press, 1996.
19. *Lausberg H.* Handbuch der literarischen Rhetorik: eine Grundlegung der Literaturwissenschaft. Aufl. 3. Stuttgart, 1990.
20. *Ανωνύμου περί σχημάτων // Rhetores graeci / Ed. L. von Spengel. Vol. 3. Lipsiae, 1856.*
21. *Lily W.* A short introduction of grammar of the latin tongue. London, 1753.
22. *Iogannis Despauterii Ninivite de figuris liber, ex Quintiliano, Donato, Diomede, Valla, Placentino, Mancinello, Nigro, pluribusque diligenter concinnatus.* Antverpiae, 1558.
23. *Kaiser W.C., Silva M.* An introduction to biblical hermeneutics. Zondervan, 1994.
24. *Smyth H.W.* Greek Grammar. Harvard Univ. Press, 1920.
25. *Quintilianus M.F.* Institutes of oratory: or, Education of an orator. London, 1856.
26. *Granada L.* Los Seis libros de la rhetorica eclesiastica. Barcelona, 1772.
27. *Квятковский А.* Поэтический словарь. М., 1966.
28. *Carreter L.F.* Diccionario de términos filológicos. Madrid, 1981.
29. *Cardona G.R.* Dizionario di linguistica. Roma, 1988.
30. *A New and copious lexicon of the Latin language / Ed. F.P. Leverett. Vol. 2. Boston, 1853.*
31. *Настольный словарь для справок по всем отраслям знания / Под ред. Ф. Г. Толля. Т. 2. СПб., 1864.*
32. *Quinn A., Rathbun L.* Zeugma // Encyclopedia of rhetoric and composition: communication from ancient times to the information age / Ed. T. Enos. New York & London, 1996.
33. *Bailey N.* An universal etymological English dictionary. London, 1731.
34. *Grant J.* Institutes of Latin grammar. London, 1823.
35. *Rudimenta grammatices Thomae Linacri.* Parisiis, 1533.
36. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1969.
37. *Smith W., Hall Th.D.* A grammar of the Latin language. London, 1867.
38. *Colombat B.* Les figures de construction dans la syntaxe latine. Paris, 1993.
39. *Ῥωμαίων περί σχημάτων // Rhetores graeci / Ed. C. Walz. Vol. VIII. Stuttgartiae & al., 1835.*
40. *Flavii Sosipatri Charisii Artis Grammaticae Libri V // Grammatici Latini: 8 vols. / Ed. H. Keil. Vol. I. Lipsiae, 1857.*
41. *Iulii Rufiniani de schematis lexeos // Rhetores latini minores / Ed. K. Halm. Lipsiae, 1863.*
42. *Stephany H.I.* Das "semantisch komplizierte Zeugma" bei Corneille und Racine. Eine vergleichende Untersuchung. Köln, 1970.
43. *Siepmann H.* Stephany H.I. Das "semantisch komplizierte Zeugma" bei Corneille und Racine. Eine vergleichende Untersuchung. Köln, 1970. II + 154 S. // Zeitschrift für romanische Philologie. Bd. 90. 1974. № 1-3.
44. *Spencer A.B.* Paul's Literary Style. Univ. Press of America, 1998.
45. *Береговская Э.М.* Очерки по экспрессивному синтаксису. М., 2004.
46. *Sanctius F.* Minerve, ou Les causes de la langue latine. Presses Univ. de Lille, 1982.

47. *Anaximenis Ars rhetorica quae vulgo fertur Aristotelis ad Alexandrum* / Ed. L. Spengel. Leipzig, 1847.
48. *Lancelot C. A new method of learning with facility the Greek tongue* / Transl. T. Nugent. London, 1807.
49. *Береговская Э.М. Проблемы исследования зевгмы как риторической фигуры // Вопросы языкознания. 1985. № 5.*
50. *Monte A.M. Latium restitutum, seu Latina lingua in veterem restituta splendorem.* Romae, 1720.
51. *Márquez de Medina M. El Arte explicado y gramático perfecto, dividido en tres partes.* Madrid, 1825.
52. *Manuelis Moschopuli cretensis Opuscula grammatica.* Lipsiae, 1822.
53. *Encyclopédie méthodique, ou par Ordre de Matieres: par une Société de Gens de Lettres, de Savants et d'Artistes.* Paris, 1786.
54. *Plett H.F. Einführung in die rhetorische Textanalyse.* Hamburg, 2001.
55. *Probi Donati Servii De arte grammatica // Grammatici Latini* / Ed. H. Keil. Vol. IV. Lipsiae, 1864.
56. *Dupriez B. A Dictionary of Literary Devices: gradus, A-Z.* Univ. of Toronto Press, 1991.
57. *Giertz I. Semantic Relations in the Phenomenon of Syllepsis.* Norderstedt, 2007.
58. *Evans V., Green M. Cognitive linguistics: an introduction.* Edinburgh Univ. Press, 2006.
59. *Andrews E.A. Latin exercises: adapted to Andrews and Stoddard's Latin grammar.* Boston, 1848.
60. *Hiley R. The elements of Latin grammar.* London, 1849.
61. *Oirsouw R.R. The syntax of coordination.* London et al., 1987.
62. *Oeuvres de Du Marsais. T. 3. Des tropes ou des différens sens.* Paris, 1797.
63. *Fontanier P. Les figures du discours / Éd. G. Genette.* Paris, 1968.
64. *Dubois J., Giacomo M., Guespin L., Marcelleci J.-B., Mével J.-P. Dictionnaire de linguistique et des sciences du langage.* Paris, 1994.
65. *Mounin G. Dictionnaire de la linguistique.* Paris, 1974.
66. *Jung W. Grammatik der deutschen Sprache.* Mannheim & Leipzig, 1990.
67. *Bußmann H. Lexikon der Sprachwissenschaft.* Stuttgart, 1990.
68. *Cuddon J.A., Preston C.E. A Dictionary of Literary Terms and Literary Theory.* Oxford, 2000.
69. *Touratier Ch. Syntaxe latine.* Leuven, 1994.
70. *Kane Th.S. New Oxford guide to writing.* Oxford Univ. Press, 1998.
71. *Никитина С.Е., Васильева Н.В. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов.* М., 1996.
72. *Васильченко А.О. Структурно-семантические характеристики зевгматических конструкций и их положение на оценочной шкале: Дис. ... канд. филол. наук.* Белгород, 2004.
73. *Смолина А.Н. Зевгматические конструкции как средство создания комического эффекта // Речевое общение. Вып. 2 (10). Красноярск, 2000.*
74. *Смолина А.Н. Зевгматические конструкции в современном русском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук.* Кемерово, 2004.
75. *Ἀσώπιος Κ. Περί ελληνικῆς συντάξεως.* Ἀθήναις, 1858.
76. *Day A. The English Secretorie, or, Methode of writing of epistles and letters: with a declaration of such tropes, figures and schemes. 1586 / Ed. R.C. Alston.* Menston, 1967.
77. *Müllenhoff K. Die Germania des Tacitus // Deutsche Altertumskunde. Bd. 4.* Berlin, 1900.
78. *Lusky E.A. Misapplications of the term zeugma // Classical Journal. Vol. 48. 1953. № 8.*
79. *Eisenhut W. Einführung in die antike Rhetorik und ihre Geschichte.* Darmstadt, 1982.
80. *Gerardi Joannis Vossii De arte grammatica libri septem. Liber septimus.* Amsterdami, 1635.